

Юлия Киссина

САМАЯ ПОЗОРНАЯ ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

Мы как-то пошли с ребятами в тот бар, в котором этот Аморалес работал со своей любовницей. Точнее, это его бар был, и мы каждый день таких там девок видали. У него над баром какая-то контора была, бабами до отвала набитая. Может быть, это было агентство для моделей. Я не знаю. Бар этот был коричневый, бывалый. Я точно знаю. Во всяком случае было какое-то жженое чувство там, будто ковбой там в стенах слиплись: свежее дерево. Девчонки туда каждый вечер на каблучках-бокальчиках спускались и все, типа, привыкли. Сам Аморалес, он как будто ничего такого особенного там не замечал. И я тоже, потому что я часто туда ходил, но не совсем. Я тогда со своей Ольгой был. Ольга была ничего. Она меня вполне устраивала. Я не могу сказать, что она какая-то невероятная была, но устраивала, спокойная такая была, как губка все впитывала. Короче, Ольга была нормальная во всех отношениях. Не раздражала. Вообще-то у нас медовый месяц был. Свежая любовь, поэтому я просто уже на других девок не смотрел, я себя так железно запрограммировал. И вот мы сидим. У кого-то там день рождения был, и все расслабились. Я сам сию страшно расслабленный, как подошва в соплях.

И тут началось: вдруг дверь открывается и входит какая-то девица. Очевидно – сверху спустилась. Модель. Точная такая брюнечка с широко расставленными, чуть раскосыми, узкими, как у кошки, глазами, носиком и красными тонкими губами. Губы – как одним мазком! На ноги ее я сначала даже внимания не обратил, но какое-то чувство было, что ноги у нее как ходули или как спицы – бесконечные и узкие. Что ни шаг – насквозь! Улыбается в пустоту. Прямо в космос открытый и входит, бедрами свингуя, как русалка в морском потоке, уверенная в себе, ну просто как английская королева и страшная красота! От такой красоты мне как молотком по голове дали. Сию я как червяк раздавленный и чувствую, как вселенский холод, который от планеты Сатурн идет, по спине моей потек черным и блестящим гадом. Самое ужасное, что она, эта девица, оказалась чья-то знакомая и к нам как назло подседа. И тут такое началось: все сидят и ерзают. Прямо стулья скрипят. То ли они мягкими стали, то ли прямо рассыхаются и разваливаются от жары! Стол дрожит, и на глазах вещество и

материя разлагаются, так что прямо молекулы вспотели! Всем сразу понятно: праздник испорчен, день убит, вечер – просто коту под хвост. А тут у меня еще как назло Ольга, свежая любовь, типа, дико неудобно. К тому же, вдруг мне в голову всякая чушь полезла про то, что Ольга вообще не в моем вкусе и все мне в рот смотрит и слова поперек не скажет, просто кукла дрессированная какая-то!

И я лихорадочно думаю: как мне быть! Просто весь испариной покрываюсь. Гляжу на Аморалеса. Он – на меня. Мы друг друга тут же поняли. Аморалес тоже быстро вспотел и весь блестит. И все мужики просто мокрые сидят и блестят. Из-за этого блеска будто светло стало. Я думаю только про космонавтов, у которых страшные перегрузки при вылете на орбиту. Вот как я себя тогда чувствовал. Но жив остался. Вдруг все так медленно становится. И я, прямо, взглянуть на нее боюсь. Ольга-гадина еще сидит и за руку меня держит. Вцепилась, значит, своими пальцами накрепко! Короче, я просто в дурацком положении. Голова кружится. Я понимаю, что сейчас под стол свалюсь. Ну, думаю – надо сливаться отсюда, пока не поздно, пока смерть за мной не пришла. А вот так-то я смерть себе и представлял.

Но я сижу, и пьем мы за чье-то там здоровье, как роботы, и я просто проклиная день и час моего рождения, потому что понимаю, что сегодня вечером она, эта девица, мне не достанется. Прямо жуткое дело. А еще я думаю, что положение мое вообще трагическое, почти катастрофа, потому что она мне вообще может никогда и не достанется до самой смерти! А она, как ни в чем не бывало, открывает рот и говорит с того конца стола своим голосом:

– Мне кофе, пожалуйста.

Официант как дурак на нее вылупился и спрашивает:

– Чего?

Он сам охуел и как будто оглох.

– Кофе, пожалуйста. Капуччино.

Но все равно стоит, как остолоп. И тут те, которые еще живы, хором ему говорят:

– Ты че оглох, парень, тебя просят капуччино принести.

Тут он сообразил и как ошпаренный помчался.

Все так на нее смотрят, выжидающе. А ей хоть бы хны! Аморалес лупится на нее так, будто она хрен вообще чего заказала. Будто она живых скорпионов заказала или гадость страшную. Она заметила все, как рентгеном заметила, и вообще не смутилась! А официант вдруг опять стоит у нашего стола и как заводной переспрашивает:

– Кофе?

Но это будто другой официант. А еще все повара из кухни вылупились. Горелым пахнет жутко, и самое главное – дождь за окнами будто совсем замерз! И в этой дикой тишине, где только музыка из консервов льется, поворачивает она свою голову на шее своей медленно, как во сне, или это мне, быть может, так тогда показалось!

– Мне кофе, – повторяет она опять.

А слова ее – как молния и голос у нее железный, как у Клары Цеткин, как у Розы Люксембург, и у всех у этих!

Я понимаю, что сейчас у меня просто инфаркт будет. И не только у меня, а просто у целой дюжины присутствующих, и думаю, кто же неотложку вызовет. А Ольга моя еще сильнее вдавила свои дурацкие крашенные ногти мне в руку и смотрит на меня с жалостью, будто я герой Шипки и умираю от пули.

Потом официант, наконец, ушел. Все сидят и молчат, будто ежей проглотили. Музыка липкая какая-то, латиноамериканская играет горячая, как назло, отвратительная, жуткая музыка, от которой просто кишки наизнанку выворачивает. Аморалес орет вдруг:

– Эй там, за баром, козлы, давайте музыку меняйте!

Это он так орет, хоть чтобы что-то сказать. Аморалес сам красивый мужик. Он и цирковым акробатом был, и по канату ходил, и в иностранном легионе служил. Короче – человек железной воли и мертвой хватки. Просто не человек, а смесь тигра и буль-терьера!

Там за баром все как вкопанные стоят. Будто время остановилось.

– Чего ты там говоришь?

– Музыка, – говорит Аморалес неуверенно, но громче обычного. Просто орет, как будто яйца ему щипцами сжали.

– Музыка давайте другую!

Потом ей кофе принесли, и все опять на нее быстро посмотрели, будто ей печень живого павлина принесли. А я все, всю мою жизнь жалкую, так ненавижу! Чего, думаю, достиг я за эти годы! Зачем это я так долго учился, книги читал? Козел просто! Меня не на шутку тошнит, и глаза поднять я не в состоянии.

– Чего это с тобой, миленький? – спрашивает Ольга, заботливая сучара.

– Да ничего, Оленька. Чего-то устал я, – говорю озабоченно.

А потом она, эта модель, кофе свой допила. Своим ртом алым! И я шкурой чувствовал, как кофей этот ей в горло пополз, будто я сам им и был! Медленно вполз! А шея у нее – белая-пребелая! Это я сразу заметил! И вот, допила она. Не расплатилась. Встает и при всеобщем молчании произносит следующую фразу:

– Ну, мне пора.

И это – как нож в сердце!

И только после того, как она вышла, все прямо вздохнули, будто все это время вообще не дышали. Аморалес тут нагнулся под стол и за яйца свои схватился и заорал:

– Ух, бля!

И все заорали будто с облегчением:

– Ух, бля!

И официанты за баром тоже заорали, так зашипели:

– Ух, бля!

И тот чувак, который музыку крутил, тоже себе под нос:

– Ух, бля!

Ольга-дура спрашивает у меня:

– Что, бля? Чего с тобой?

– Да, – говорю, – просто устал. День такой тяжелый был.

– Давление? – спрашивает Ольга. Я киваю.

Смотрю я на дверь, куда ушла эта модель. Но все на дверь смотрят. А дверь эта – довольно обыкновенная – деревянная и с желтым стеклом! Хлоп! И ясно: сразу всем опять хорошо стало, когда она ушла, эта красавица. Просто, счастье думаю, что Ольга со мной. А потом уже такое пошло-поехало. Каждый рассказывал САМУЮ ПОЗОРНУЮ ИСТОРИЮ СВОЕЙ ЖИЗНИ. Рассказывали мы по кругу. Одна история была позорней другой. Я и не думал, что с такими ублюдками и говнюками за одним столом сижу. Мне даже стыдно было, что я с этими идиотами связался и противно до жути. Сам Аморалес оказался под стать своему имени – дико аморальный чувак. Он ТАКОЕ рассказывал, что вообще невозможно повторить! Пока до меня очередь не дошла! Пока они там исповедовались, я пошел в туалет и там заперся и подрочил. Спустил и легче как-то стало. Но на всю жизнь не надышишься, ясное дело.

Сердце все потом еще долго колотилось и тошнило, тошнило. Все, несмотря на ПОЗОРНЫЕ РАССКАЗЫ, как один, на дверь входную пялились. А потом вдруг кто-то дверь с той стороны опять тронул и все замолчали.

Дверь медленно так открывается, как в кино. Скрипит! И вдруг старик какой-то входит, хромой и косой. Печеночник. Еще у него, сразу видно глаз искусственный: вот-вот вывалится! На плечах перхоть, как пороша, и протез в черной перчатке. Все на него пялятся как в шоке. Молчание! Как с того света старик! А потом – радость! И мы ему так прямо благодарны были! Просто ужас, как благодарны за то, что он старый, отвратительный, вонючий мужик, а не какая-нибудь красавица. И так было нам потом хорошо, что мы этого старика одноглазого за наш стол пригласили и пили за его здоровье, и кормили его как на убой, и денег не жалели! А потом уже до меня дошла очередь рассказывать ПОЗОРНУЮ ИСТОРИЮ. И я им

такое рассказал, такую позорную историю! САМУЮ ПОЗОРНУЮ ИСТОРИЮ МОЕЙ ЖИЗНИ, что они вообще охренели и дико после этого меня зауважали!

julia@kunsthalle-zoo.de